

**Непридуманные школьные истории,
или Детство в Советской стране**

12+

**Автор Марина Юликова
Художник Стешенко Петра,
5 лет**

Марина Юликова

**Непридуманные школьные
истории, или Детство
в Советской стране**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Юликова М.

Непридуманные школьные истории, или Детство в Советской стране / М. Юликова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

О школьной жизни девочки Марины и ее подруг. Добрые рассказы о взрослении, о становлении личности, и, конечно же, о первой любви.

Содержание

История первая. Новенькая	5
История вторая. Почему я никогда не пробовала курить	7
История третья. Как я подружилась с Людой	9
История четвертая. Почему меня не показали по телевизору	11
История пятая. Про Свету, бантики, голубую заколку и химическую завивку	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марина Юликова "Непридуманные школьные истории, или Детство в Советской стране"

*Моим школьным подругам Люде, Гале и Светлане посвящаются
эти истории*

История первая. Новенькая

Когда мне было десять лет, мама вышла замуж, и меня из лучшего города в мире – Москвы, перевезли в небольшой городок у моря. Это потом я навсегда влюблюсь в эти горы, в это небо, в это солнце, в это море... А пока я вечерами залазила под одеяло, и очень тихо, чтобы никто из взрослых не услышал, плакала. Я скучала по друзьям, по школе и просто по Москве.

В Адлере мне не нравилось все: новая квартира, новый мамин муж и очень странные магазины, в которых нельзя было купить даже тетрадки. Школьные принадлежности здесь покупали заранее, в августе, на, так называемом, школьном базаре, на весь учебный год. Больше всего мне не нравилось, что я буду в классе «новенькой». Здравствуйте пожалуйста, все – «старенькие», и только одна я – «новенькая». Так получилось, что учебный год уже начался, и все уже давным-давно передружились или, вообще, дружили уже давно, с первого или со второго класса, а с кем буду дружить я, было совсем непонятно.

И вот настал день, когда меня поставили перед всем классом у доски и объявили, что я Марина. Я смотрела в чужие лица будущих одноклассников и чувствовала себя бесконечно одинокой. И тут я увидела одну девочку. Точно помню, что с самой первой минуты я поняла, что это необыкновенная девочка, хотя затрудняюсь сказать в чем состояла эта самая ее необыкновенность. Девочка была смешливой, задиристой и курносой. И мне уже не было так одиноко, я уже тогда знала, что эта девочка станет моей лучшей подругой.

А учительница, тем временем, задавала мне самые обычные, по ее представлениям, вопросы и записывала в журнал мои ответы. Пока речь шла о маме, все было хорошо. Но вот начались вопросы про отца, и первый же из них поставил меня в тупик. «Как зовут твоего отца?» – спросила учительница, а я мучительно начала соображать.

Конечно же я знала, что моего отца зовут Николай, но мы не жили с ним давным-давно, а в этот город нас привез новый мамин муж, дядя Боря. Наверно теперь он мой отец? С легкой заминкой мне удалось выдать из себя, что моего папу зовут Борис.

Но учительница не унималась: «Отчество?» Я молчала. Я никогда не знала отчества дяди Бори, при мне никто его по отчеству не называл. Учительница мне помогать не собиралась. Пауза затянулась, я все ниже опускала голову. Добили меня мои будущие одноклассники. С задних парт мне громко начали подсказывать: «Как зовут твоего дедушку?» Я понятия не имела, как зовут моего нового дедушку и есть ли он у меня вообще. А они подумали, что я не знаю, что отчество отца получается из имени деда.

Все было кончено. Теперь, со мной, не будет дружить не только та замечательная девочка, а вообще никто.

Я уже не помню чем закончился тот день. Наверно, не очень плохо. Потому что в конце концов та девочка, ее звали Галя, действительно, стала моей лучшей подругой. А у Гали была лучшая подруга – Люда, а у Люды – лучшая подруга Света. И это было счастьем, потому что мы все четверо подружились и стали лучшими подругами.

С тех пор прошло очень много лет. Мы расставались и встречались, поступали в институты, защищали дипломы, рожали детей, выходили замуж, разводились, снова выходили замуж, нянчили внуков. И через всю жизнь пронесли свою детскую дружбу, которая родилась в тот день, когда я была «новенькой».

История вторая. Почему я никогда не пробовала курить

Летом меня отправили в овощной совхоз к бабушке. Но это была не моя родная бабушка, к которой я до этого ездила каждое лето. Это была мама дяди Бори, и с ней мне только предстояло познакомиться.

Совхоз тоже был не совсем совхозом. То есть там, конечно, выращивали овощи, но это не бросалось в глаза. В глаза бросались пляжи, кемпинги и множество загорелых отдыхающих.

Моя родная бабушка пахла домашними пирогами и малиновым компотом. От мамы дяди Бори пахло лекарствами. Она очень любила, чтобы все слушали, что у нее сегодня болит. Я ее жалела, вежливо кивала, но всерьез ее жалобы не воспринимала, они были какими-то ненастоящими. Она тоже меня не жаловала: я занимала койко-место.

Дело в том, что дяди Борина мама держала отдыхающих. И каждое койко-место в ее доме было на вес золота. Вернее стоило один рубль за сутки. Весь дом был разделен на множество комнатушек, и облеплен пристройками, беседками и сарайками. И везде жили люди. И все они платили бабушке по рублю за сутки. Куда она потом девала эти рубли, я не знала.

Неожиданно мне у бабушки понравилось. На меня впервые в жизни никто не обращал внимания. Я могла делать все, что хотела. Меня искали только поздно вечером, и то, лишь для того, чтобы определить, где я сегодня буду спать. Обычно это была комната, из которой уже уехали старые, но еще не заселились новые отдыхающие.

У бабушки было конвейерное производство. Как-то в разгар сезона она умудрилась разместить одного парня прямо во дворе, на раскладушке, под виноградом. На мои укоризненные взгляды, она рассудительно сказала:

– Не могла же я оставить его на улице?

Парень, как и все, платил по рублю в сутки и обделенным себя не чувствовал. Тогда в Сочи приезжали за солнцем и морем, и уж никак не за удобствами.

Вечером все общество собиралось у дома, под навесом: там работал единственный телевизор. Сидели очень долго. Все охотно друг друга угощали фруктами, купленными днем на базаре, пили вино, привезенное с Рицы, играли на гитаре и пели. Иногда вечернюю идиллию нарушал приезд скорой помощи: взрослые травились местными деликатесами, дети сгорали на пляже. Это повторялось из раза в раз. Старожилы добросовестно рассказывали всем вновь приехавшим, что можно сгореть и отравиться, но проходило какое-то время, и кому-то опять была нужна медицинская помощь. Я про себя негодовала и удивлялась бестолковости взрослых.

Утром я бежала на пляж. Когда мы жили в Москве, я добросовестно ходила в бассейн, но плавать так и не научилась. Здесь же я очень быстро наверстала упущенное. В первый же месяц я стала заплывать так далеко, что уже не слышала ни стука волейбольных мячей на пляже, ни детских криков на мелководье. Взрослые, которым меня поручили, понятия не имели, что я делаю на пляже, а такой ерунды, как буйки или спасатели в совхозе отродясь не было.

Когда мне надоедало загорать и плавать, я возвращалась в бабушкин двор и залезала на мое любимое дерево. Это было шикарное дерево, название которого я не знала. Я брала на дерево еду и книгу. Читала Фенимора Купера и представляла себя в прериях. Иногда просто глазела по сторонам, мне нравилось, что я вижу всех, а меня – никто. В один из таких моментов я и увидела девушку Машу.

Девушка Маша приехала отдыхать. В поисках жилья, она прошла по жаре всю нашу улицу и очень устала. Был пик сезона и свободных комнат ни у кого не было. Кто-то подсказал ей обратиться к моей новой бабушке. У бабушки тоже не было свободных мест, но она просто

физически не могла потерять рубль, который стоял перед ней. И она предложила Маше компромисс: первые два дня Маша поживет в одной комнате с девочкой, милейшим созданием, которое ей ни в коем случае не помешает. Вот так и получилось, что следующие две ночи я ночевала в комнате девушки Маши, или она в моей, как вам больше нравится.

Маша была очень красивой девушкой. Я мечтала, что когда вырасту тоже стану такой: стройной, с длинными распущенными по спине волосами. Маша делала прически из моих выгоревших на солнце волос и разрешала брать свою косметику. Дома мама мне это категорически запрещала.

Два дня пролетели очень быстро, нас расселили, но мы уже успели очень подружиться с девушкой Машей. И теперь все время проводили вместе: плавали, загорали, Маша покупала мне мороженное и вареную кукурузу, брала с собой на все экскурсии.

А потом появился ОН и Маша влюбилась. Почему-то они не стали меня прогонять. Наверно им нравился мой восторг. А не восторгаться ими было нельзя. Это была очень счастливая пара. Мы стали самой веселой троицей на всем побережье. Мы делали все то же самое, что и раньше: ели кукурузу, плавали, загорали, но теперь еще непрерывно хохотали: ОН мог рассмешить кого угодно.

Все когда-нибудь кончается, особенно отпуск. Сначала уехал ОН, потом засобиравшись девушка Маша. Перед отъездом она отправила меня в торговую палатку, купить ей какие-то мелочи в дорогу. Я совсем было убежала, но потом что-то вспомнила и вернулась. Маша стояла у окна и курила.

Я испытала самый настоящий шок. Конечно же, я знала, что некоторые девушки курят. Но курить могли все остальные девушки, только не моя Маша! Это было противоестественно и непонятно. Как Золушка, курившая на балу. Или не знаю как.

Маша сразу увидела ужас в моих глазах. Она испуганно подскочила ко мне. Она трясла меня за плечи и пыталась до меня докричаться:

– Да, пойми же! Я работаю на севере! Я заправляю самолеты! У нас холодно! У нас все курячают!

Я ничего не хотела слушать. Вырвалась и убежала.

Пока не отъехало такси, и еще очень долго потом, я сидела на своем дереве. Я видела всех, а меня – никто. Я видела как расстроенная Маша оглядывается по сторонам, медленно, неохотно садится в такси. Я заплакала, но не спустилась. Мое детское сердце было разбито.

История третья. Как я подружилась с Людой

В классе, в который меня определили, было две «круглых» отличницы Люда и Галя. Девочки дружили, но были очень разными. Люда – аккуратная, старательная, усидчивая. Настоящая отличница, какими их показывают в детских фильмах. Галя – полная противоположность Люде. Таких отличниц я еще не видела: у Гали сами собой терялись вещи, размазывались чернила, растрепывались волосы, рвались колготки. Все это почему-то не мешало ей учиться на одни пятерки и быть очень привлекательной.

На уроке математики меня вызвали к доске.

– Посмотрим, чему тебя научили в этой вашей Москве! – сказала учительница, сразу невзлюбившая не то меня, не то тот город, из которого я приехала. В «нашей» Москве меня ничему не научили. Весь последний месяц мы «сидели на чемоданах» и ждали отправки контейнера с мебелью на юг. Я не знала ни одной новой темы.

Не знаю как теперь, но тогда в начальной школе существовало выражение «взять на буксир». Это означало, что отличник помогал двоечнику разобраться в пройденном материале и получить хорошую отметку. В старой школе я сама часто занималась с мальчишками-двоечниками и не считала это чем-то зазорным. Теперь «на буксир» брали меня, и все мое существо протестовало против этого. Заниматься со мной поручили отличнице Люде.

После школы я прибежала домой и открыла учебники. Быстро прочла все пропущенные темы, решила задачи и пошла «браться на буксир».

Люда жила в одноэтажном домике. Мне, ребенку мегаполиса, видеть такой еще не приходилось. Стояла осень и домик утопал в цветах. Цветы росли целыми кустами. Каждый куст был разного цвета: белый куст, желтый куст, оранжевый. Потом я узнала, что цветы называются дубки и растут они в Адлере буквально на каждом шагу.

А еще во дворе домика протекала небольшая речушка, через которую был перекинут мостик. Тогда я еще не знала, что проведу в этом дворике много счастливых часов своего детства.

А пока я с восхищением и некоторым испугом смотрела на Люду. Девочка и дома была «отличницей»: волосы причесаны, халатик отглажен, тапочки не стоптаны. Родители Люды разговаривали с ней с ненаигранным уважением. Я потом часто думала: родители с ней так общаются потому что она ТАКАЯ или она ТАКАЯ, потому что ей повезло с родителями?

В доме стояло пианино – Люда еще и в музыкальной школе училась. В общем, если честно, обошла меня по всем параметрам.

К счастью, Люда не была ни воображалой, ни задавакой. Она посмотрела мои тетрадки, задала несколько вопросов и честно сказала, что я все знаю и так, и заниматься со мною не нужно. И все это она завтра скажет учительнице.

Я уже совсем было ушла, но тут увидела в серванте открытую коробку конфет «Ассорти». И решила задержаться. Сказать, что я любила шоколадные конфеты – ничего не сказать. Мама говорила, что я жую их как хлеб, не чувствуя даже вкуса. Как бы не так! Очень даже чувствовала и никогда не могла остановиться до последней конфеты.

Люда была девочка умная, сразу увидела мой взгляд, и поняла причину моей задержки в дверях. Но угощать меня не спешила.

– Ты с какой начинкой конфеты любишь? – спросила она покраснев.

– С белой! – не отрывая взгляд от коробки ответила я, – или с кремовой.

– А я с шоколадной!

Люда все еще подозрительно топталась на месте. Пауза затянулась. Наконец, к великой моей радости, полезла за коробкой.

– Угощайся! – сказала она не очень уверенно.

Я протянула руку. В коробке лежало еще довольно много конфет. И все они были с моей любимой начинкой. Но все они были аккуратно надкусаны: Люда искала свою любимую шоколадную начинку. И я поняла, что Люда такая же девчонка, как и я, хоть и отличница.

Вот так мы и подружились со второй моей подругой: уминая за обе щеки надкусанные конфеты «Ассорти».

История четвертая. Почему меня не показали по телевизору

Приближался праздник и мне поручили выучить стихи о войне. Это было очень важное поручение. Нас должны были снимать для телепередачи! Съёмочная группа с местного телевидения должна была ходить по разным классам, с четвертого по десятый, и снимать детей, читающих стихи. В нашем классе на роль чтеца выбрали меня.

Я долго думала, какие стихи читать. Остановилась на стихотворении татарского поэта Мусы Джалиля «Чулочки». В стихотворении рассказывалось о расстреле мирного населения фашистами. Перед расстрелом людям приказывали раздеться. И тогда маленькая, трехлетняя девочка, спросила фрица: «Чулочки тоже снять мне, дядя?»

И вот, как только я доходила до этого «Чулочки тоже снять мне, дядя?», у меня начинало подозрительно щипать в носу и глаза увлажнялись. Я знала, что у настоящих артистов плачет тот кто слушает, а не тот кто читает, но ничего не могла с собой поделать.

Я репетировала весь день: пробовала не думать о том, про что читаю, вспоминала, в разгар чтения, разные смешные случаи, и даже щипала себя за руку в нужный момент, чтобы отвлечься. Поэтому в класс, на следующий день, я пришла слегка нервничая.

И вот, закончились уроки, приехала съёмочная группа, меня поставили возле учительского стола-тумбы и подали знак начинать. Мне казалось, что я читаю очень хорошо, с выражением. Я даже без слез в голосе проскочила самый опасный момент стихотворения.

Но тут мне со своих мест начали махать руками подруги. Я ничего не поняла, но, на всякий случай, стала читать громче, с большим выражением. Но к подругам стали присоединяться некоторые одноклассники, к ним другие. Что они мне пытались сказать, я не понимала. Последней сдалась женщина-организатор. Заканчивала читать я под ее выразительные жесты.

Оказалось все просто: я читала хорошо и голос мой не дрожал, но от волнения, я, в ритм стихотворения, надавала коленкой по неплотно закрытой дверце стола-тумбы. И все мое чтение проходило под равномерный деревянный стук.

По телевизору, в тот раз, меня так и не показали. Я им испортила чистоту звука.

Ну, и ладно. Иногда я перечитываю стихотворение Мусы Джалиля «Чулочки». Когда я дохожу до места «Чулочки тоже снять мне, дядя?», я плачу, как и много лет тому назад. Но теперь мне не нужно прятать слезы.

История пятая. Про Свету, бантики, голубую заколку и химическую завивку

Света была очень худенькой, болезненной девочкой. Ее хотелось защищать. Даже наши насмешники-мальчишки никогда ее не обижали. Напротив, они постоянно пытались ее рассмешить. У Светы был переливчатый, заразительный смех, слушать который хотелось снова и снова.

Света любила, чтобы ее называли взрослым именем Светлана и одна в классе носила детские банты. Все остальные девчонки мнили себя уже взрослыми и ходили с заколками или просто обвязывали хвосты черными резинками. И заколки, и резинки были скучными и невзрачными. Мы тогда еще не очень понимали, что страна, опередившая мир во многих областях, безнадежно отставала в производстве товаров народного потребления.

Чтобы отличаться от других, многие люди какие-то вещи делали сами. Мама Люды вязала, мама Гали шила, Света сама себе делала бантики.

Она брала капроновую ленту и вдоль всего края наживляла ниткой. Потом эту нитку стягивала, лента собиралась, и получался красивый бант-цветок. Свету я зауважала именно из-за этих бантов. Я пришла к Свете первый раз в гости, и на стене увидела «Расписание бантиков».

Не очень ровным почерком, на листочке в клеточку, было расписано: понедельник – синий бант, вторник – красный, среда – зеленый... ну, и так далее, до воскресенья. Света носила свои бантики согласно распорядка на стене! Я никогда ничего не умела делать по расписанию, и очень зауважала Свету.

Признаюсь, иногда мне хотелось нацепить такой же красивый бант как у Светы. Но я не могла себе этого позволить. Насмешница Галя обозвала бы меня «детским садом». Ругаться с лучшей подружкой из-за бантиков я не была готова. Именно в то время к нам в гости приехала мамина сестра, тетя Оля. Она работала в цирке, недавно вернулась с гастролей из-за границы, и привезла мне оттуда очень красивую заколку, в виде огромного цветка. Я прицепила заколку на прическу «конский хвост» и гордо отправилась в школу.

Галя увидела меня из окна класса и начала корчить смешные рожицы: заколка издалека была похожа на бант. Я про себя ехидно улыбалась: посмотрим, что ты сейчас скажешь. Я зашла в класс. Галя стояла в позе «насмешницы»: одной рукой она держалась за живот, другой показывала на меня и корчила гримасы, как будто сейчас умрет от смеха. Тут она увидела мою заколку и изумленно опустила руки.

Да уж! Это была всем заколкам заколка! Огромная голубая лилия, с усиками из бисера, была увенчана ягодкой-ежевичкой из бусин перламутрового цвета. Но лучше бы она не была такой красивой!

Сначала девочки-одноклассницы захотели рассмотреть заколку поближе. Потом кто-то жалобно попросил у меня ее поносить, хотя бы один урок. Потом заколку снова рассматривали на перемене всей женской половиной класса, и снова кто-то носил один урок... Кончилось все печально: ягодка-ежевичка отлетела, усики оторвались.

Увидев, как я сильно расстроилась, Галя сказала, что усики не очень-то и нужны, а если цветок расплавить, то серединка-ежевичка легко прилипнет к цветку. Клея «Момент» в те времена еще не было. Мы побежали к Гале домой, включили газовую плиту и начали нагревать цветок. Но вместо того, чтобы стать мягким и липким, цветок почернел и продырявился. Заколка была испорчена безвозвратно. Я совсем не успела ее поносить! К тому же предстояло еще что-то объяснять маме, отчиму и тете Оле.

А Света свои банты носила совсем недолго. Светина мама работала парикмахером и стала делать Свете, на зависть другим девчонкам, настоящую химическую завивку. Несколько лет

спустя, когда завивку сделала Галя, к нам в класс с криком: «Вы что творите?» – ворвалась возмущенная завуч. «Ничего мы не творим! Мои волосы вьются от природы!» – возразила ей Галя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.